

Виктория КОЛТУНОВА

Эта старая лошадь — Зубейда

Почтительно наклонив голову, Зубейда встала в кабинет хозяйки поднос со сладостями и поставила его на низенький столик перед диваном. Отошла на шаг назад и застыла в ожидании дальнейших распоряжений. Не глядя на нее, профессор Хусейн аль Ислам сделал пренебрежительный жест рукой, отсылая Зубейду прочь. Он не любил эту служанку. Молчаливая, не в свое дело не лезет, не болтает со служанками, как другие, но, тем не менее, она почему-то была ему противна. Прежде всего — своей старостью. Из-под хиджаба виднелась только небольшая часть лица, но и этого было достаточно, чтобы разглядеть на нем морщины, и они Хусейна раздражали. Внизу, на первом этаже, полно молоденьких, свежих девочек, но его жена, Айша, требует, чтобы на их этаже Хусейна обслуживала только эта Старая Лошадь, как он называл Зубейду. Ревнует, желает огладить его от соблазнов. Конечно, он, мужчина, может приказать, что угодно, но Айша надуется, начнет выказывать обиды, придумывать недомогания. Можно не обращать внимания, но это отвлекает его от работы. Сегодня он опять взял домой свои записи, чтобы подумать, поискать еще какие-то пути решения, а женские капризы... Лучше не заводиться. Он услышал легкие, несмотря на возраст, шаги Старой Лошади и ощутил облегчение от мысли, что она ушла.

Зубейда спустилась на этаж прислуги. Справа — мужское отделение, там садовник и водитель. Посередине — кухня, кладовые, баки с запасами воды. Слева — женская часть. Она прошла мимо кухни, про себя отметив, что вчера еще кончилися запасы шафрана и имбиря для плова. Надо пойти на базар — купить. Но для этого следует испросить разрешения госпожи Айши. А ее нет дома. Уехала к сестрам в гости. Придется подождать вечера, раньше она не вернется. Выходить из дома без разрешения госпожи она не имеет права. Хотя по возрасту уже может иметь привилегии перед другими служанками, но лучше все-таки лишний раз не раздражать госпожу.

В комнате Зубейды было жарко, прислуге кондиционеров не полагалось. Поэтому она сняла накидку, хиджаб, вытерла мокрый от пота лоб и прилегла на кровать. Свержу, прямо над ней, располагался кабинет хозяйки. Она слышала его шаги. Зная досконально расположение мебели, которую протирала каждое утро, Зубейда точно определила: вот он идет от дивана к письменному столу. Вот встал, отодвинул кресло и снова пошел к дивану. Размышляет. Его письменный стол располагался у левой от входа стены, его личный диван — справа, а тот, на котором он принимал гостей, — посреди кабинета. Именно на тот столик, перед этим диваном, она ставила сегодня поднос. Проходя к нему, увидела на письменном столе кипу документов. Значит, снова взял работу на дом. Устает, тоже ведь не молоденький. Полчаска работает, потом отдыхает. Это правильно.

Надо почистить его туфли — выходя из кабинета, она видела туфли у дверей. Сейчас, подумала она, возьму внизу крем, щетки и пойду чистить туфли.

Зубейда со вздохом встала, пошарила в сундучке со своими украшениями, выбрала серебряную заколку для платья — большой павлин со сверкающими красными глазами расправил свой хвост. Павлины приносят счастье, подумала она. Вколола заколку в темную ткань просторного одеяния, снова надела накидку, на голову повязала хиджаб. Без хиджаба выходить из своей комнаты она, как истая мусульманка, никогда не стала бы.

Посмотрела в зеркало. Все в порядке, волос из-под хиджаба не видно.

Зубейда поднялась, присела на корточки у дверей кабинета профессора и принялась сосротночно чистить хозяйские туфли.

В тот день госпожа Айша вернулась поздно. Зубейда помогла ей раздеться и лечь в постель. Спросила разрешения пойти завтра утром на базар за имбирем и шафраном. Айша не возражала. Попросила купить метр красного шелка, чтобы определиться с цветом будущего покрывала на своей кровати. Если шелк, о котором ей говорила Зубейда, такого насыщенного цвета, как она его описывала, можно будет добрать такой ткани еще.

Хусейн велит убрать с его глаз эту Старую Лошадь, как он ее называет. Но Айша так привыкла к ее услугам, ее покорности, способности угадывать каждое ее желание. Нет, надо протянуть, сколько еще возможно. Надо поискать в Коране: где-то, она помнит, была сура об отношении к старым слугам. Нет, кажется, она об этом читала не там. Не важно, скажу Хусейну, что нам Пророк завещал уважать стариков. Это уж точно в Коране есть. Он не посмеет ослушаться Пророка.

Зубейда встала пораньше, зашла на кухню, определила, нужно ли что-нибудь еще на базаре кроме намеченного. Взяла плетеную корзину и отправилась за покупками.

Подошла к торговке специями Лейле, купила несколько пучков зелени, пожаловалась на у-

реннее головокружение и ослабевшие со вчерашней ноги. Зашла в лавку с тканями, купила метр красного шелка и тоже пожаловалась продавцу на плохое самочувствие. Вот лавка Махмуда, она всегда покупает шафран именно там. Зубейда купила шафран. Пошатнулась, прислонилась к стене.

— Что-то плохо мне, — пробормотала. — Ноги совсем не держат. В голове шум.

Вышла от Махмуда и поплелась дальше.

Обошла еще несколько привычных мест. Поговорила со знакомыми женщинами, пришедшими, как и она, за покупками.

Вот и лавка Гасана. Зубейда вошла внутрь. Выпрямилась.

— Салям алейкум, Гасан. — Доброго тебе здоровья.

Гасан поднялся навстречу.

— Есть новости, Зубейда? Говори, мы одни. Он подошел к дверям и запер их.

— Новости и плохие, и хорошие. Хорошие — что я отдаю тебе последний улов. Плохие — в том, что я ухажу. Думаю, больше я уже ничего не смогу сделать. Там уже всё. Не сегодня-завтра он выгонит меня. И не знаю, смогу ли я тогда передать тебе то, что нужно. Меня могут куда-нибудь увезти. В дальнейшем поместье, например, готовлю еду для его сельскохозяйственных рабочих. Оттуда я не смогу к тебе попасть, и быть мне там бесполезно.

Гасан кивнул: понимаю.

Зубейда распахнула накидку и отколола с плеча серебряного павлина.

— Вот, последние данные. На мой взгляд, улов хороший.

Гасан взял из ее рук павлина, вышел из комнаты и вернулся с пакетом.

— Здесь паспорт на имя Зубейды умм Саади 60-ти лет. Деньги и справка от нотариуса — разрешение мужа на самостоятельную поездку в Иорданию на оздоровление в водах Мертвого моря. Новый автомобиль. Возраст тебе уже позволяет путешествовать одной с разрешения мужа. Все даты я только что поставил. По прибытии в Иорданию тебя встретят. Я сейчас сообщу туда. Будь очень осторожна, Зубейда. Я буду молить Всевышнего о тебе.

Зубейда кивнула.

— Я надену паранджу. Моего лица не будет видно. К полудню меня начнут искать, и те, к кому я подходила на базаре, скажут, что я себя с утра плохо чувствовала. Хозяйка подумает, что мне стало дурно на базаре и меня отправили в больницу для бедных. Пока она пошлет туда кого-нибудь, пройдет не менее суток.

— Мы больше не увидимся, — тихо и спокойно сказал Гасан. — Спасибо тебе. Ты не представляешь, как много ты сделала для нашего дела.

— Ну почему же, — улыбнулась Зубейда, — представляю. У меня же все-таки диплом физика.

Только в самолете, взявшем курс на Амман, она пришла в себя. Пока покупала билет в аэропорту Мехрабад, пока проходила контроль, чувствовала, как с висков под паранджой стекают липкие капли пота. Малейшая деталь может вызвать подозрение полицейских аэропорта. Что будет с ней тогда? Тюрьма, установление личности. Сбежавшая служанка крупного ученого, физика-ядерщика? Сразу станет ясно, что она не могла так просто получить чужой паспорт, такую сумму денег... Пытки, мучительная смерть.

Несколько лет назад госпожа Айша взяла ее с собой к своим родственникам, проживавшим в маленьком городке недалеко от Тегерана, для прислуживания. Да еще и потому, что порядочной женщине не пристало ездить одной, без сопровождения родственника-мужчины или, на крайний случай, пожилой служанки.

Там Зубейда, отправившись по поручению Айши на площадь, видела казнь молодой девушки. В земле была вырыта яма. Девушка в белом — траурном, как положено у мусульман — одеянии была закопана в нее по грудь. Ее руки от плеч и до уровня земли были связаны. Густые черные волосы для вящего позора не были прикрыты платком и струились с ее головы на землю. Лицо ее, удивительно красивое, открыто. Глаза — огромные, черные — смотрели прямо перед собой. Изящные губы вздрагивали.

На расстоянии метров 100 скопилось по кругу толпа мужчин. Они держали в руках по камню. Среди них были старые и молодые, даже подростки. Все они, ожидая команды, застыли, глядя на жертву. Стояла удивительная тишина. В воздухе дрожало густое напряжение близкой смерти.

"Стая загнала добычу, оскалила клыки и готова броситься..." — промелькнуло в голове Зубейды. Она хотела повернуться и уйти, но ноги не слушались. Она не была в силах шевельнуться и только пристально смотрела на девушку, словно желая взглядом быть рядом с ней в последние мгновения юной жизни. Эта безымянная девушка была сейчас ее сестрой по крови, по полу, по несчастью родиться в обществе, которое в любую минуту готово отнять у тебя твою жизнь только потому, что ты надел христианский крест, или не наклонился вовремя головой в сторону Мекки, или высказал что-то, идущее вразрез с Кораном. Хотя именно эта жертва

вряд ли осмелилась надеть крест. Скорее всего, будучи насильно выданной замуж не по любви, пыталась сбежать вместе со своим возлюбленным туда, где их не знают, и попала. Притом юноше дали несколько месяцев тюрьмы, а ее приговорили к смертной казни.

Когда к казни через побивание камнями приговаривают мужчину, ему оставляют свободными руки и закапывают только по грудь. Если он под градом камней успевает выкопать руками себя из земли, он считается отбывшим наказание и свободным. Женщину, которая намного слабее, закапывают по плечи, и она обречена в любом случае.

Зубейда не могла оторвать своих глаз от ее — черных, полных смертной тоски и гордого смирения перед судьбой. Ни звука.

Наконец, старик в чалме махнул рукой. Раздался свист летящих плотной стеной камней. Крики, улюлюканье. Голова ее, лицо и грудь мгновенно покрылись кровью. Сквозь вопли ярости мужчин Зубейда не могла слышать, вскрикнула ли она. Девушка откинулась назад, насколько позволяли земляные стены ямы. Ее черные волосы блестящей волной укутали землю.

Старик-распорядитель казни снова дал знак. Толпа замерла. Он подошел к яме и накрыл покрывалом то, что возвышалось над ее краями кровавой массой. Покрывало еще какое-то время оставалось белым, слегка шевелилось, замерло. Потом резко заагло, пятна крови расплывались от середины к краям.

Зубейда поплелась назад, едва переставляя ноги.

Что было бы с ней, если б ее поймали? Страшно подумать.

Но сейчас она уже в самолете иорданской авиакомпании, то есть на территории Иордании. Конечно, если бы ее поймали, иорданские чиновники не стали бы спорить с иранскими из-за какой-то простой женщины. Но те уже не появятся в летящем в воздухе самолете.

В Иордании совсем другие порядки, нежели в Исламской Республике Иран. Просвещенный король Абдулла, окончивший Оксфорд. Королева Рания, светская женщина, красавица, любящая европейские рауты и благотворительность. Подруга испанской королевы Софии и немецкой принцессы ганноверской. Там ей уже ничего не грозит, если только она сможет затеряться по дороге от аэропорта до дома в Акабе, где ее ждут. В том доме уже всё, она в безопасности.

Выйдя из самолета, Зубейда огляделась. Вот мужчина с плакатиком зеленого цвета, на котором написано "Добро пожаловать в Амман!" Обычный плакатик, только в слове "пожаловать" — опечатка. Именно та, условленная. Зубейда подошла к нему. Они поздоровались. Мужчина смотрел на нее с уважением.

Они направились к автобусной станции.

— Обстоятельства изменились, госпожа Зубейда, — сказал он. — Мы не можем оставаться в Иордании несколько дней, хотя понимаем, как вы устали. Вас ждут. Это срочно.

Зубейда кивнула. Она уже столько лет не принадлежит себе. Не будет же возражать: нет, хочу пожить на иорданском курорте Акаба, поплавать в море.

Автобусом они доехали до Акабы, отсюда — на пароме в Египет, всё без приключений, ее паспорт пожилой иранки не вызвал вопросов, а Саид назывался ее братом, проживающим в Иордании.

Из Египта они выехали автомобилем. Пересекли пропускной пункт, где солдат внимательно рассмотрел их документы. Поставил печать на пропуске. Саид довез ее до самого Иерусалима, попрощался.

Зубейда поднялась на лифте на 8-й этаж обычного жилого дома, каких в Иерусалиме множество. Позвонила. Дверь открылась.

— Здравствуй, Эстер. Шолом алейхем, — произнес распахнувший дверь мужчина.

Эстер шагнула внутрь, прижалась головой к его груди.

Моше погладил ее волосы, поцеловал ее в лоб. Снял с ее головы хиджаб и кинул в угол. Опостылевшая черная накидка слетела на пол. Моше, радостно улыбаясь, взял в ладони ее лицо, взгляделся в него.

— Столько лет, столько лет... Проходи, Эстер, наконец-то ты дома! Перекусим чем-нибудь, поговорим.

Эстер прошла через коридор, помыла в ванной руки и села за стол. На столе — национальная израильская еда, по которой она так соскучилась. Красное вино, запрещенное в Иране. За распитие спиртных напитков там можно угодить в тюрьму.

Потекла беседа. Моше шутил, что за 11 лет, проведенных в Иране, Эстер стала говорить на иврите с фарсидским акцентом. Она рассказывала, как сначала год путешествовала по Ирану в качестве вдовы богатого человека, для того чтобы узнать страну, потом ее, как бедную родственницу, искавшую работу, нужные люди, пристроили в служанки к жене ученого-физика. Моше и сам все это знал, именно он разработа-

вал легенду Эстер, но понимал, как ей хочется выговориться, наконец, с человеком, от которого не надо ничего скрывать.

— Мне больно за Иран, — сказала Эстер. — Это была великая страна, но фанатики превратили ее в средоточие агрессии и жестокости. Если на улице два парня на радостях, что встретились, обнимутся, а рядом будет полиция, которой в Иране полно на каждом шагу, их посадят в тюрьму и приговорят к повешению. Женщины на улице не имеют права смеяться и громко разговаривать. За это тоже могут посадить. Я в первый год, пока знакомилась с Ираном, объездила всю страну, была в Хорезме, Ширазе, Йезде. Там потрясающая архитектура. Это страна поэтов и ученых, древняя Персия, страна великого Фирдоуси и Авиценны. В древности и в средние века Персия была средоточием культуры. При шахе Реза Пехлеви — мирная монархическая страна. Почему же стало так?

— Ты забываешь, что в Тегеране в 1829 г. персидские фанатики разорвали на куски русского посла — Грибоедова, — заметил Моше.

— После факультета ядерной физики в Иерусалимском университете я много лет изучала востоковедение и язык фарси. Пока меня готовили к моей миссии и за то время, что я провела в Иране, я успела полюбить эту страну. Но то, что я там видела, иногда настолько меня ужасало, что хотелось кричать и бежать отсюда. Они готовятся к войне, и это я знаю точно. Зачем, кому нужна эта война? Чтобы навязать ислам всему миру, а Ахмадинежад станет его единовластным правителем? История показала, что такие всемирные амбиции всегда заканчиваются всемирной кровью. Это путь к краху. Неужели будет та самая Третья мировая война, Армагеддон, о котором говорится в Библии?

— Я не священник, Эстер, я солдат и не могу ответить тебе на этот вопрос. Все, что зависит от нашей организации, чтобы предупредить войну, мы делаем. Те материалы, что ты регулярно передавала, находятся в МАГАТЭ. Иран уже не сможет утверждать, что разрабатывает мирный атом, а не ядерную бомбу. Надо надеяться на общественное давление на Иран. Если удастся избежать ядерной войны, то это лично твоя заслуга, Эстер.

— Ладно уж, — смущенно улыбнулась Эстер, — давай о деле. Саид сказал — у тебя ко мне что-то срочное... Но у меня уже не тот возраст, да и силы не те. Нервы сдают.

— Нет, Эстер. Твой контракт давно истек, последние годы ты рисковала жизнью по собственной воле, от тебя большего требовать невозможно. Мы предлагаем тебе мирную работу здесь, в Иерусалиме. С твоим колоссальным опытом, знаниями ты могла бы вести обучающий курс. Но приступить надо немедленно. Обстановка очень напряжена.

Эстер покачала головой.

— Не могу. Устала я очень, износилась. Знаешь, чего я хочу? Вернуться домой, откуда мать и отчим увезли меня в Израиль 12-летней девочкой. Там у меня должна быть сестра по матери, если она еще жива. Единственная родня. Израиль дал мне все: блестящее образование, новую жизнь, наполненную смыслом, но годы берут свое, и я хочу дожить рядом с ней. Помоги узнать: жива ли она?

Моше тихо и рассмеялся.

— Эстер, ты недооцениваешь организацию, в которой работала. Все 11 лет, пока ты была в Иране, твоя сестра получала "от тебя" письма и письма. А ее ответные письма, все, хранятся у меня, я тебе их отдаю. Но если ты уедешь из Израила, мы никогда не сможем видеться. Я-то остаюсь в разведке. Это мой долг. И не могу ни последовать за тобой, ни встречаться с тобой, работая в МОССАД. А я столько мечтал о тебе. Ты мне дороже всего, Эстер. Если б ты знала, как я боюсь за тебя... Остаешься, Эстер...

Моше взял руку Эстер в свою, целовал ее пальцы.

Эстер молчала. Душа ее ныла и разрывалась между этим человеком, который был ей дорог, единственным, к кому стремилось ее сердце, с кем навсегда разделит их общий долг, с которым ей так и не довелось быть вместе, и памятью предков, памятью о том маленьком городке, где она когда-то родилась и сделала первые шаги, впервые сказала "мама". Землей, в которой она хотела быть похороненной. На глаза ее выступили слезы.

Моше понял. Поднялся.

— Хорошо. Ты уедешь.

Эстер попросила, чтобы билет ей взяли до Киева и забронировали гостиницу на три дня. Она хотела увидеть столицу своей бывшей родины. Три дня проходила по народным улицам, удивляясь и радуясь их пышности и европейской красоте, столь отличной от построек Востока. Затем села в поезд до Ивано-Франковска. Оттуда — автобусом в Черновцы. С автовокзала маршруткой на самую окраину. Затем пешком. Вот уже кривые, заросшие травой последние улочки города. Родной палисадник. Что-то новое... А, это аистное гнездо на стрехе. Эстер открыла покосившуюся калитку.

На пороге стояла старуха. Она протянула к Эстер морщинистые руки.

— Ганю, рідна моя. Моя Ганя, моя маленька Ганя...

И заплакала. Ганна Опришко прижала ее к груди.

— Годі, Марусю, годі, я повернулася, я вдома...